

КОНЦЕПТ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

.....

А. Н. Кимберг, Ю. Э. Макаревская

Проблема идентичности в различных ее аспектах все более привлекает внимание отечественных исследователей. Разнообразие исследований идентичности побуждает обратиться к теоретическому осмыслению того места, которое концепт идентичности может занять в отечественной психологии.

Рассматривая феномен идентичности мы чувствуем, что он вызывает сильный личностный и социальный интерес: идентичность есть решение проблемы определенности человека в мире. Эта проблема существует для самого человека, который по ряду причин должен и стремится знать о себе, кто он, где он и зачем он. Но она не менее остра и для других людей, которым нужно понимать *кто* и *зачем* этот человек, который становится участником, условием или решающим фактором ситуации их собственной жизни. Когда определенность становится проблемой? Тогда, когда мир человека становится многообразным, многопотенциальным и когда человека встречают в нем различные субъекты социального действия. Можно сказать, что проблема идентичности начинается тогда, когда реально появляются многочисленные (как индивидуальные, так и групповые) субъекты социального бытия. Это проблема определенности человека в мире, которая настоятельно требует разрешения, поскольку мир становится гораздо более полисубъектным, чем раньше.

Идентичность переживается субъективно как осознание «здесь и сейчас». Но это главным образом ощущение себя действующим, а не переживание своей тождественности во времени. В этом смысле идентичность и субъектность оказываются настолько близки, что могут быть определены как различные формы опредмечивания одного и того же содержания. Я оказываюсь идентич-

* Кимберг Александр Николаевич — канд. психол. наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: kimberg@manag.kubsu.ru.

Макаревская Юлия Эдуардовна — старший преподаватель кафедры общей психологии Сочинского государственного университета туризма и курортного дела.

ным себе (постоянным, тем же) не потому, что пребываю таким же, как час, день, месяц или год назад. Я тот же, потому что а) мне нужна последовательная история моей жизни, объясняющая мне ее смысл (упрощающая мое понимание себя и мира); б) другие люди требуют от меня тождественности. Им нужен стабильный образ социального актора с предсказуемыми качествами и реакциями. Определенность мне приписывает ситуация, в которой я нахожусь, определенность мне приписывают и Другие, которым она необходима для взаимодействия со мной. Стабильность действующих лиц – условие конструирования понятного мира.

Для внешнего наблюдателя идентичность человека состоит в том, что он относит наблюдаемого субъекта к определенной категории людей (идентифицирует как члена некоторой группы, типа или класса социальных субъектов). Категоризация здесь представляет собой не столько упражнение в подборе наименований, сколько практическое и чрезвычайно важное действие по выбору возможных стратегий и практик взаимодействия наблюдателя с субъектом. При этом в устоявшейся практике поименование действующего лица (его идентификация) маркирует спектр возможных действий и ожидаемых результатов. Наблюдатель в рамках избранной им для опознания идентичности субъекта категории приписывает ему ряд качеств – элементов идентичности (устойчивых ожидаемых поведенческих ответов на возможные ситуации взаимодействия, мотивов и ценностных ориентаций).

Как оказывается возможным соотнесение того, что видят в человеке разные наблюдатели? Ведь разные наблюдатели, находясь в различных позициях к субъекту, взаимодействуют с ним в разных отношениях и видят разное. Если бы они исходили только из собственных оснований оценки и опыта взаимодействия с субъектом, то мы получили бы несколько уникальных описаний некоего человека и оказались бы перед новой задачей – выстроить его понимание на основе не стыкующихся между собой описаний. Но реально эта задача не так трудна, поскольку наблюдатели работают с едиными культурными моделями нормативного жизненного пути человека. Возможные отклонения от нормативного развития также большей частью кодифицированы. Тогда идентичность субъекта для внешнего наблюдателя будет состоять в отнесении его по наблюдаемым признакам к одной из культурно выработанных моделей (типизации) с дальнейшим уточнением отдельных отклонений от нее. Модели развития, как и признаки их реализации (эвристические способы их идентификации), постоянно воспроизводятся и уточняются в культуре в виде излагаемых во множествах нарративов примеров поведения людей, разрешения ими различных ситуаций, да и самих ситуаций. Разумеется, сами ситуации разрешаются людьми иногда необычными, непредусмотренными существующими культурными образцами способами, часть из которых может получить затем нормативный статус «оптимального», часть – «невротического», а часть – «преступного» ре-

шения. Культура обычно имеет несколько возможных решений относительно того, что может делать человек в данной области жизни. Одно или несколько таких решений считаются в данной культуре нормативно приемлемыми (хотя их различает разная степень оптимальности с доминирующей в данной культуре точкой зрения). К примеру, мужчина может быть женат и моногамен, женат и иметь любовницу, женат и иметь множественные кратковременные связи с малознакомыми женщинами, женат, но периодически вступать в гомосексуальные отношения, совмещать статус семьянина и сексуального маньяка, выдерживать целибат, оставаться одиноким и ограничиваться эротическими сайтами, состоять в браке с другим мужчиной и т. д. Все эти решения кодифицированы культурно, некоторые из них имеют статус оптимальных или желательных, некоторые (как, например, оскотление) сегодня выглядят экзотическими, но допустимыми, иные просто терпимы, а некоторые решения определены как преступные и преследуются по закону. Однако же все они существуют в культурном поле и предстают наблюдателю и самому субъекту как формы, которые он может применить для идентификации Других и для самоидентификации. Если человек оценивает предлагаемые ему культурно кодифицированные формы организации своей жизни по их социальной желательности и способности принести ему успех и принятие в обществе, то он делает выбор, основываясь на инструментальных характеристиках возможных вариантов [14].

Но в любом случае внешний наблюдатель идентифицирует субъекта в рамках тех представлений о группах (социальных, этнических, религиозных, гендерных ...) и типах людей, которые он смог почерпнуть из текущего поля культуры, в которое он погружен. Если наблюдатели относятся к одному культурному полю, то они вполне могут придти к согласованному мнению относительно идентичности данного субъекта или хотя бы вести осмысленную (в рамках одной категориальной сетки) дискуссию о ней.

Для внешнего наблюдателя прийти к выводу об идентичности противостоящего ему субъекта означает: а) определить для себя способ поведения в текущем взаимодействии с ним; б) определить модель, позволяющую рассчитывать или «видеть» будущее взаимодействие и его результаты; в) построить для себя образ субъекта и дать ему «имя», т. е. сделать его пригодным для мышления о нем. Это сочетание типического (типические ситуации и способы решения, типические качества и способности) и уникального (особая комбинация качеств, визуальный образ, несущественные и поэтому не типизированные культурно персональные особенности) дает в итоге ту идентичность субъекта, которая начинает свою жизнь в голове у наблюдателя.

Если идентичность человека есть результат взаимодействия а) того, как его идентифицируют Другие, б) социальных меток, обеспечивающих идентификацию, в) его интегральной предыдущей идентичности, то она, разумеется, при-

вязана к социальной маркировке деятельности или области деятельности и к общности, составляющей совокупность действующих лиц этой области.

При этом идентичность Другого всегда имеет для наблюдателя частный характер, выводимый и вытекающий из ситуации и контекста взаимодействия, пристрастности, места Другого в жизни наблюдателя. Для руководителя идентичность человека (сотрудника) исчерпывается функциональностью и лояльностью, для уличных мошенников с их лотереями идентичность человека ограничивается степенью его жадности и простоты или возможной опасности. Только для любящего человека и для «милующего» взгляда [1] может быть доступен полный образ человека, раскрывающийся во все новых его аспектах и принимаемый без функциональной корысти.

Таким образом, мы констатируем, что идентичность субъекта для внешнего наблюдателя привязана к конвенциональным социальным меткам, поэтому неизбежно упрощена и обеднена. Внешняя категоризация обеспечивает субъекту возможность координации в социуме за счет типизации Другого и собственной типизации, но это несколько иная идентичность, чем тот волнующий феномен, который открывается подростку и философу. Идентичность субъекта для наблюдателя возникает и существует далее через соотнесение его с социальными типизациями, привязывающими его к определенным формам поведения и классам ситуаций. При этом идентичность может быть задана разными путями. Идентичность субъекта для меня может быть получена как через типизацию ситуации (это ситуация ограбления, один наблюдаемый субъект – грабитель, другой субъект – жертва, я – свидетель) и тогда ситуация задает определяемые ею идентичности; идентичность может быть получена через типизацию субъекта, манифестирующего установившиеся для общества маркеры распознавания ситуации: субъект может быть настолько выразителен, что именно он будет определять ситуацию для наблюдателя.

Итак, мы имеем в нашей модели три сущности: субъекта, наблюдателя и фонд культурных типизаций, доступный в существенной части и субъекту, и наблюдателю. Для «правильного» выбора типизации социум выработал ряд индикаторов, позволяющих правильно классифицировать их носителя. Мы имеем в виду форму, знаки отличия, должности, служебные удостоверения, ученые звания, одежду, прическу, наконец, нагрудные таблички, которые прямо заявляют, кто есть кто. Культура содержит также множество высказываний о том, кто может быть кем. Для беглого внешнего наблюдателя мы вначале являемся одной из типизаций, позже – типизацией с некоторыми отклонениями (которые тоже типизированы). «По одежке встречают...». Для внутреннего наблюдателя (рефлексирующего I) субъект является хозяином или пользователем одной из типизаций, но она воспринимается: а) через дополняющее ее поведение окружающих; б) через ряд качеств или свойств, присущих этой типизации. Если это так, то, возможно, мы описываем другого преимущественно

но через выполняемые им функции или типичные поведенческие паттерны, а себя – через личностные качества.

Тогда мы имеем возможность дать еще одно определение идентичности. Идентичность можно понимать и как набор социальных типизаций, манифестируемых субъектом осознанно или неосознанно, причем таких, которые он готов принять и сам (если не считать отдельных случаев вытеснения). Мы получаем возможность несколько корректнее разобраться и с имиджем, который выступает как набор социальных типизаций, сконструированный с позиции целевой группы и намеренно манифестируемый субъектом, причем типизации могут быть как личностно принятыми, так и целенаправленно имитируемыми.

Идентичность похожа на сообщение, которое индивид посылает миру и для контроля читает сам. Если у него нет интереса к контролю, то он просто транслирует это сообщение вокруг себя. Между тем часто бывает так, что человек представляет себя одним (загадочным, порядочным, выполняющим миссию, гибким), а для других он как на ладони предстает завистливым, корыстным, зажатым в общении, боящимся других людей, ограниченным. Что делать с этим? Идентичность для субъекта – Эго-идентичность, переживание бытия и собственной цельности, селф как осознание себя, переживание мира в отношениях с собой – и идентичность для наблюдателя отличаются здесь радикально. Это, видимо, обычное явление, что не мешает людям взаимодействовать в реальности весьма спокойно и даже относительно успешно. Приемлемая успешность взаимодействия обеспечивается тем, что люди взаимодействуют как функционалы или как роли (в рамках признаваемых всеми типизации), чего достаточно для функционирования социальных процессов.

Одним из серьезных теоретических вопросов при анализе того, как складывается и функционирует идентичность есть вопрос о том, как она существует. Охватывает ли она собой все проявления активности человека, выступая системообразующим началом, имеющим много аспектов, либо производные от различных ситуаций возможные идентичности являются лишь отдельными состояниями самосознания субъекта?. Последняя точка зрения становится все более и более распространенной. Так, Хезел Маркус почти два десятилетия назад отчетливо сформулировала три базовых положения, которые позволили существенно продвинуться в теоретической разработке проблематики селф-концепта. Это а) понимание того, что селф-концепт не есть унитарная монолитная сущность; б) признание того, что функционирование селф-концепта зависит как от личностной мотивации, так и от конфигурации непосредственной социальной ситуации; в) согласие с тем, что наблюдаемое поведение индивида есть результат, сконструированный многими факторами помимо селф-концепта. Взгляд на селф-концепт как на стабильное обобщенное инвариантное представление о себе (аналог интегральной идентичности) не может удовлетворить

исследователей. «Как может эта жесткая недифференцированная структура сензитивно опосредовать и отражать многообразие поведения, к которому она предположительно относится?» – задается вполне обоснованным вопросом Маркус [12].

Одно из возможных решений было найдено в рассмотрении селф-концепта как совокупности или коллекции имиджей, схем, концепции, прототипов, теории, целей или задач [8]. Другие исследователи характеризовали селф-концепт как иерархическую категориальную структуру, элементами которой являются черты личности, персональные ценности и память о схемах специфического поведения [7; 11] или многомерные пространства смыслов [9]. Несколько иным, но схожим по способу решения проблемы единичности селф был взгляд на селф-концепт как на систему «схем селф» или обобщенных представлений о себе, производных от прошлого социального опыта индивида. Схема селф предполагалась здесь как дуальная сущность, т. е. и как структура, и как процесс одновременно [13].

Но как бы исследователи ни концептуализировали селф в терминах иерархии, прототипов, пространств или схем, они, в общем, признавали активную сущность структуры селф. То, что вначале схватывалось в понятии как одиночная и статичная сущность, стало многомерной «мультифасеточной» структурой, которая системно включена во все процессы обработки социальной информации.

Множественные селф выступают как более удобный инструмент описания личности и объяснения ее активности в конкретные отрезки времени. Вместе с тем возникает задача решить теоретически проблему того, каким образом у человека могут существовать разные идентичности и, если это, как представляется, имеет место, то каковы отношения между ними. Несмотря на широкое распространение в последние десятилетия концепции идентичности как способа организации понимания человека, надо признать, что теоретическая глубина проработки модели существенно отстает от занимаемых ею все новых и новых территорий. Попытаемся упорядочить во многом стихийно складывавшиеся взгляды по поводу идентичности и развить некоторые вытекающие из них следствия.

Как может иметь место взаимодействие идентичностей? В настоящее время имеются различные данные о том, как это может происходить.

Относительно разработан вопрос о взаимодействии социальной и личностной идентичностей. Реципрокное взаимодействие между социальной идентичностью и личностной идентичностью было описано еще в 1980-е гг. в модели Дж. Тернера. Активация личностной идентичности с ее акцентом на особенности и отдельности индивида вызывала торможение социальной идентичности и ее уход из актуальных связей саморегуляции. И, напротив, стимулирование социальной идентичности ссылками на общую судьбу группы, проявления

групповой дискриминации или переживание угрозы со стороны аут-групп отодвигало на второй план переживание личностной идентичности. Диалектика интеграции и дифференциации разворачивалась здесь в зависимости от характера ситуации и выступала как ответ субъекта на вызов внешнего мира.

В меньшей степени прояснен вопрос о том, что происходит, когда встречаются идентичности, вызванные к жизни включенностью человека в разные области культурной деятельности («поля» в терминологии П. Бурдьё [2]). Каждая из таких деятельностей имеет свои особые практики, способы преобразования мира, критерии успешности и иерархию статусных позиций действующих лиц, идеологию и мироописание. Соответственно, для каждой из них оказывается действенным свой набор элементов идентичности – значимых личностных качеств, по которым происходит различение находящихся «в деле» индивидов и устанавливаются их отличия друг от друга. Несмотря на то что личностная идентичность, казалось бы, ориентируется на отличительность, сами качества, по которым отслеживаются отличия, образуют вполне определенный инвариантный набор, соответствующий той области жизни, где происходит действие. Идентичности, порожденные различными социальными полями и разворачивающимися в них деятельностями, также могут находиться в сложном соотношении. Если они рядоположны (нет отношения включенности или «пронизывания») и нет условий, при которых они активировались бы одновременно, разные идентичности могут существовать изолированно и практически не взаимодействовать между собой. (Это могут быть, к примеру, идентичность футбольного болельщика и идентичность любителя рыбалки). Взаимодействие по типу конфликта может возникнуть между этими идентичностями только тогда, когда они претендуют на одни и те же ресурсы личности (например, на ее время, или деньги, или физические силы) или же когда внешние наблюдатели одновременно инициируют обе идентичности (случайная совместная вечеринка футбольных фанатов и рыбаков-любителей, где наш герой будет испытывать жестокий кризис самоопределения). Но если между идентичностями существует отношение «пронизывания», т. е. одна из идентичностей, будучи субдоминантной, тем не менее может быть легко актуализирована в любой момент и стать ведущей, то между ними возможны как отношения ингибции, так и отношения фасилитации. Это может иметь место тогда, когда ситуации взаимодействия, актуализирующие определенную идентичность субъекта, могут быть легко переопределены так, что к жизни будет вызвана идентичность, бывшая до тех пор отложенной, дремлющей. Это может быть, например, гендерная или религиозная идентичность. При социализме роль такой латентной, но постоянно готовой к актуализации сущности индивида выполняла идеологическая идентичность, поскольку практически в любой ситуации было уместно вспомнить о том, что ты коммунист, и сверить принимаемое решение с приоритетной идентичностью. Сегодня в этой роли для части людей может выступать и гендерная идентичность.

В ходе исследований взаимодействия различных идентичностей накоплено достаточно много интересных фактов. В частности, был выполнен ряд исследований о влиянии наличной ситуации на актуализацию той или иной идентичности субъекта. Так, Грубе и Пилиавин, исследуя волонтеров и доноров-добровольцев, установили, что опыт предшествующего поведения является наиболее значимым предиктором возникновения соответствующей ролевой идентичности. Фактически вовлечение субъекта в ситуацию, где он объективно позиционирован определенным образом, формирует у него адекватную ситуации идентичность [10].

Был установлен также значимый эффект влияния особенностей ситуации общения (гендерного состава группы) на осознание гендерной идентичности. Наибольшее осознание субъектом того, что он/она является мужчиной или женщиной, происходило тогда, когда респондент оказывался в группе в меньшинстве; выраженным, но не таким интенсивным это переживание было тогда, когда мужчин и женщин в группе насчитывалось примерно поровну, и совсем слабым тогда, когда гендер респондента составлял большинство в его окружении [5].

Вид текущей активности также влияет на осознание субъектом своей гендерной идентичности. В указанном исследовании респонденты в большей степени осознавали свою гендерную принадлежность во время различной спортивной активности, в меньшей степени – во время активности, связанной с досугом и иными видами социальных занятий, и менее всего – в процессе академических занятий и иных видов интеллектуальной рефлексии.

Религиозная идентичность, к примеру, считается способствующей бизнес-идентичности в североамериканских сообществах, поскольку включаемое в религиозную идентичность предположение о повышенных этических нормах в отношениях с людьми, самодисциплине и верности слову совпадают с важными элементами идентичности бизнесмена. Обратная же связь в этой паре отсутствует.

Гендерная идентичность в ее женской версии для традиционного общества по ряду ключевых элементов противостоит идентичности руководителя, в связи с чем тематика противоречивых отношений линии семьи и карьеры (Л.Н. Ожигова; И.А. Сапогова), эмоционального выгорания работающей женщины (Т.Ф. Куликова) оказывается распространенной в гендерных исследованиях. «Nurse and care» плохо сочетается с «divide and rule», в связи с чем взаимодействие этих идентичностей имеет конкурентный характер, порождающий как личностное напряжение субъекта, так и ряд необычных гибридных идентичностей с доминированием одной из них и включением субдоминантной идентичности в состав ведущей при использовании ее в качестве средства деятельности.

Вместе с тем гендерная идентичность в традиционном мужском варианте совпадает по ряду ключевых элементов с некоторыми вариантами профессиональной идентичности, что, к примеру, показывают исследования, выполненные на выборке курсантов военных авиационных институтов. Такие качества, как смелость, выдержка, уверенность в себе, отважность, агрессивность, оказываются базовыми личностными характеристиками и в идентичности мужчины (классическая версия), и в идентичности военного летчика. Поэтому развитие этих качеств в рамках функционирования одной идентичности укрепляет и другую идентичность, а обе они оказываются в отношениях взаимного усиления.

Итак, мы можем резюмировать, что в идентичности целесообразно выделять некоторый набор ее ключевых элементов. Это те личностные качества, которые значимы для успешной деятельности в том социальном поле, где выделяется данная идентичность. Такие личностные качества неосознанны и непроизвольны и имеют вид, когда наблюдатель говорит о некоторой идентичности, Он называет термин, маркирующий ее, но под этим обозначением понимается совокупность личностных качеств и множество практик, которые способен или должен реализовывать носитель этой идентичности. Заметим, что здесь мы опять встречаемся с проблемой онтологического статуса идентичности. Идентичность для самого субъекта (назовем его Джек) выступает как способ понимания себя и понимания мира вокруг себя в процессе организации стратегического и тактического проектирования, планирования, реализации и оценки своей жизни или/ и отдельных направлений деятельности. Идентичность Джека для Других выступает как способ организации его понимания иными субъектами для проектирования, планирования, и реализации своих деятельностей, в ситуации которых Джек входит как условие, фактор, партнер или цель. И в том, и в другом случае идентичность оказывается ментальным конструктом, создаваемым субъектом для организации своего поведения и для поддержания оптимального функционирования собственной психики. Статус ментального конструкта не ослабляет каким бы то ни было образом реальность идентичности как бытийного феномена. Только искать его следует не в сущности изучаемых объектов и не как нечто овеществленное, а наблюдать в системах отношений, поскольку идентичность есть явление, возникающее только как продукт рефлексии отношений.

Как показал Д. Абрамс, связь между категориями, которые выступают именами идентичностей, и элементами (качествами), которые составляют их предполагаемое содержание, может быть в высшей степени изменчивой в зависимости от контекста, в котором они выступают. Например, идентичность (или самокатегоризация) «родитель» может определяться несколькими отличающимися способами, когда она, например, появляется в контексте родительского собрания (и тогда она состоит из элементов «заинтересованный», «во-

влеченный», «рациональный») или же когда взрослый член семьи реализует ее дома («любящий», «забавный», «ответственный») [4].

Итак, идентичность как самокатегоризация или самоопределенность реально открывается в отношениях, в том числе и в отношениях взаимного оценивания. Поэтому более важно знать и схватывать отношения (и их конкретное содержание), чем обозначение или самоназвание идентичности субъекта. Представляется, что социальные категории в основном схватывают структуру общности как совокупность связанных между собой позиций, а отношения – функцию в действии. В этой связи внимание сосредотачивается на том, как в текущую практику взаимодействия людей для описания их актуальных идентичностей привлекаются категории текущего (ситуативного) дискурса обсуждения, осознания и оценки друг друга (в связи с чем, например, у М. Биллига появляется термин «categories-in-use during talk») [6].

В этом смысле элементами идентичности являются не сами, например, маскулинные личностные качества курсанта военного училища, а функционирующие как оценочные критерии образы этих качеств, выделенные как самим курсантом, так и его коллегами, старшими офицерами, гражданскими лицами, любимой девушкой и т.д. Это выделение может быть явным образом рефлексивным, когда перечень данных качеств именуется, формализуется и в конечном счете идеологизируется. Оно может быть также и очень мало осознанным и закрепленным в практиках, личностных конструктах, традициях оценочной деятельности, нарративах, поддерживаемым в данном профессиональном сообществе.

Это «удвоение сущностей» (качества личности и представление о них) имеет смысл тогда, когда мы находимся в позиции теоретика-психолога, который знает, что идентичность является придуманным им самим (или его коллегами) конструктом, который позволяет лучше оформить для мышления и коммуникации несколько групп наблюдаемых фактов. То, что их именно несколько, провоцирует дополнительные сложности в оперировании конструктом «идентичность». Это следующие факты:

- субъект нечто представляет, переживает или «знает» относительно себя и своих качеств в отношениях с миром;
- другие люди нечто представляют или воспринимают относительно субъекта в своих отношениях с ним;
- субъект имеет некоторые личностные качества, способности, умения как таковые, т. е. обнаруживает их в практике.

Когда мы говорим о том, что в идентичность конкретного человека включаются такие-то личностные качества и способности, то это не значит, что они «извлекаются» из процессов деятельности или отношений, в которых они возникают, являют себя действительности, функционируют и «перемещаются» в

идентичность субъекта. Это означает всего лишь, что в конструкте, используемом субъектом для в той или иной мере осознанного выстраивания отношений с миром, эти качества содержатся как существенные, т. е. устойчивые и нагруженные значимостью элементы. Элементы конструкта идентичности затем включаются в процессы оценки явлений внешнего мира, в функционирование самооценки и деятельность по ее укреплению и стабилизации, они служат сюжетным содержанием и ценностями в нарративах, которые обеспечивают преемственность личной истории субъекта. Эти же элементы работают в субкультуре общности, в которой протекает социальная жизнь субъекта, и служат категориями для описания субъекта во множестве его образов, которыми пользуются взаимодействующие с ним люди. Но этими элементами являются не сами типичные реакции на определенные ситуации, стратегии поведения, способности к осуществлению деятельности – то, что мы привычно называем свойствами личности, а их знаки – либо слова, используемые при многочисленных проговариваниях происходящего с субъектом (отсюда потребность в разговорах о жизни, которая чаще всего свойственна женщинам), либо чувственно-эмоциональные комплексы переживания способности что-то сделать (чувство уверенности в себе в проецируемой ситуации: я сделаю нечто и получу такой-то результат). Последнее может существовать как особое переживание самоэффективности (А. Бандура) или осознание, или переживание обладания некоторой компетенцией – способностью решить на приемлемом уровне определенную социальную или профессиональную задачу или тип задач.

Таким образом, анализ концепта идентичности показывает, что исследователь, привлекающий его для создания теоретической модели изучаемого социального или социально-психологического процесса, может:

а) рассматривать идентичность как данность (осознание, переживание, образ) субъекту его конкретных характеристик, существенных / актуальных для ситуации, в которой разворачивается его активность;

б) работать с отдельными идентичностями как аспектами личности, актуализирующимися в определенных пространствах социальной активности;

в) выделять элементы идентичности как те значимые для данного пространства и спектра присущих ему деятельностей качества, способности и установки человека, по которым он различается и определяется другими акторами этого пространства и которые он затем использует для понимания и определения себя;

г) описывать взаимное влияние отдельных идентичностей как фасилитацию – использование (и усиление) ими одних и тех же качеств субъекта – или же как ингибицию – периодическую актуализацию качеств субъекта, находящихся в реципрокных отношениях с ведущими элементами других его идентичностей;

д) концептуализировать идентичность (в тех исследованиях, где она используется вместе с категорией субъекта) ситуативно-конкретную форму существования субъекта.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
2. *Бурдые П.* Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
3. *Ожигова Л.Н.* Проблема субъектности: гендерная идентичность и профессиональные стратегии женщины // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005.
4. *Abrams D.* Social identity, social cognition and the self: The flexibility and stability of self-categorization // Social identity and social cognition / Eds. D. Abrams, M. Hogg. Oxford: Blackwell, 1999.
5. *Aries E., Olver R., Blount K., Christaldi K., Fredman S, Lee T.* Race and gender as components of the working self-concept // Journal of Social Psychology. 1998. Vol. 138. Issue 3.
6. *Billig M.* Discursive, rhetorical and ideological messages // The message of social psychology / Eds. C. McGarty, S.A. Haslam. Oxford: Blackwell, 1997.
7. *Carver C.S., Scheier M.F.* Attention and Self-Regulation. A Control Theory Approach to Human Behavior. N. Y.: Springer-Verlag, 1981.
8. *Epstein S.* The self-concept. A review and the proposal of an integrated theory of personality // Personality Basic Issues and Current Research / Ed. E. Staub. Englewood Cliffs. N. Y.: Prentice-Hall, 1980.
9. *Greenwald A.G., Pratkanis A.K.* The self // Handbook of Social Cognition / Ed. R.S. Wyer, T.K. Srull. Hillsdale. N.Y.: Erlbaum, 1984. Vol. 3.
10. *Grube J.A., Piliavin J.A.* Role identity, organizational experiences, and volunteer performance // Personality & Social Psychology Bulletin. 2000. Vol. 26.
11. *Kihlstrom J.E., Cantor N.* Mental representation of the self // Advances in Experimental Social Psychology. 1984. № 17.
12. *Markus H., Wurf E.* The dynamic Self-concept: social psychological perspective // Annual Review Psychological, 1987. № 38.
13. *Neisser U.* Cognition and Reality. San Francisco: Freeman, 1976.
14. *Waterman A.S.* Personal expressiveness: Philosophical and psychological foundations // Journal of Mind and Behavior. 1990. № 11.